

Все знают народного артиста СССР Алексея Владимировича Баталова. Старшее поколение помнит первые фильмы его участия: «Большая семья», «Дело Румянцева». Потом появились фильмы «Дорогой мой человек», «Летят журавли», «Девять дней одного года», ставшие значительным явлением советского кино, духовной жизни нашего общества. Молодые зрители знают Баталова по фильмам «Звезда пленительного счастья», «Москва слезам не верит».

А. В. Баталов не раз участвовал в фильмах — экранизациях русской и советской классики: «Дама с собачкой», «Живой труп», «Мать», «Бег». Эти работы, конечно, требовали особенного, пристального чтения Чехова, Толстого, Горького, Булгакова. Так же, как постановка Баталова

тат духовного труда, усилия ума и души?

— Да. И телевидение, например, может стать в будущем продолжением такой культуры, если записи можно будет остановить, сохранить, повторить.

— Вы имеете в виду «видео»?

— И видео, и что-то другое, вероятно. Хотя все равно, думаю, что книга останется главным источником, хранящим то, что достойно хранения. И радость, и страдание человека. И то, что в человеке сохранилось, и то, что в нем менялось со временем.

— Литература улавливала эти перемены, открывая нового героя. Открыло ли кино своего героя?

— Как сказать. Вот, например, литература XX века — герои Хе-

ских судеб, повторяя имена все. Лучше, чтобы, как вы говорили, можно было бы всегда прочесть и перечитать не раз и не два их книги. А может быть, увидеть умную, бережную экранизацию. Как когда-то увидели зрители «Даму с собачкой» и вас в роли Гурова. Как вы тогда отнеслись к этому предложению режиссера?

— В актерской судьбе все случайно. Игра судьбы. Даже внешне я мало походил, по общим представлениям, на этого чеховского героя. Но И. Хейфиц очень верил, настаивал вопреки советам найти другого актера. Поначалу фильм ругали, как и многие другие с моим участием. Потом что-то происходило, и фильмы начинали хвалить.

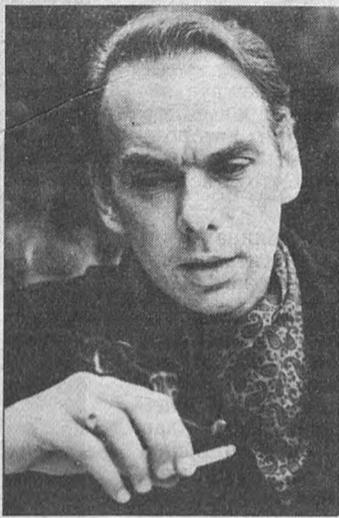
— Может быть, помимо чего-то невежества или излишней осторожности дело было в непривычности того, что увидели писатель и режиссер, к чему потом привыкали зрители?

— У нас в России многое бывает «потом». И все-таки многое совершается и «сейчас», то есть вовремя. Пускай медленно, но все-таки... Я сужу, например, по своей работе на радио. Его слушает сегодня больше народу, чем кажется. Радиослушатели научились выбирать.

— О чем вам пишут, что прочесть на радио?

Алексей

БАТАЛОВ:

КНИГА БЫЛА И БУДЕТ

мингузя, Ремарка, Фолкнера. Это несколько иной, по сравнению с предыдущими, герой. Свой мир, свои взаимоотношения с женщиной, своя любовь. Кино, как мне кажется, осваивало открытия литературы. Оно опирается на хорошую литературу. Сейчас это стало особенно ясно. Немому кино такая литература была не очень нужна. С появлением звука кино в чем-то утерало свою специфику, пластику, стало чересчур болтливым. Но сегодня происходит что-то серьезное. Кино ищет настоящую литературу. Посмотрите, например, как меняется многосерийный телевизионный фильм. В лучших образцах это уже не «длинное кино», а видеороман. И это лишь начало.

— А далее?

— Потом все будет усовершенствоваться, специфика возьмет свое в подаче героя, в роли автора на экране и т. д. Но в основе по-прежнему должна быть хорошая литература.

— Как та, что привела на экран многих ваших героев?

— Да. Ведь это были пьеса Ч. С. Розова «Вечно живые», ховский Гуров, толстовский Федя Протасов. Это были оригинальные сценарии таких фильмов, как «Дорогой мой человек» и «Девять дней одного года».

— А литература 70 — 80-х годов?

— Сейчас опубликовано многое, что было написано в 60 — 70-е годы и еще ранее. «Доктор Живаго» Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Белые одежды» В. Дудинцева. Другие герои, с иным, непривычным для тогдашней, изданной литературы темпераментом и мироощущением. За исключением, конечно, произведений В. Тендрякова, Ф. Абрамова, В. Овечкина, Ю. Трифонова, В. Распутина. В литературе же и в кино часто и многое отлекало от серьезного, страшного, настоящего. Слово в небе плавали разноцветные мыльные пузыри, уводящие взгляд от земли.

Отсутствие книг, опубликованных только недавно, конечно, обеднило и литературу, и кинематограф.

— Как отсутствие Платонова, Замятина, Булгакова литературу 30-х годов?

— Несомненно. Представьте только, что эта литература, эти книги в руках В. Пудовкина, М. Ромма, С. Эйзенштейна. Какая произошла от этой «невстречи» потеря, какой нанесен урон искусству! Интересно, что создадут современные писатели. Увидим, прочтем. А эти послужили Отчеству, людям, времени. И Цветаева, и Ахматова, и Зощенко, и Мандельштам.

— Только бы не творили красивую легенду из их трагиче-

— Часто советуют читать забытое. Воскрешать страницы книг, неизвестных молодым. Или неизвестных всем. Почему вызвал такой интерес телеспектакль М. Козакова по толстовской пьесе «И свет во тьме светит»? Потому что не знали это произведение. А оно оказалось так созвучно нашему дню. Просят прочесть Бунина, Набокова.

— А известно? То, что изучали в школе?

— Тут у радио необыкновенные возможности во взаимоотношениях с книгой. Вот Достоевский, его же надо прочесть, теперь по-новому, не так, как вчера.

— Как именно?

— Как у него написано. Без страха перед его политическими страстями, отношением к религии, к философским исканиям времени. Сейчас порой ради моды или самоутверждения перекаивают Чехова, Достоевского. Радио в этом отношении ближе и вернее автору, его слову. А услышав Пушкина, Тургенева, Лермонтова, многие, как они пишут в своих письмах, перечитывают сочинения классиков. Возвращаются к нелегким авторам. Кто-то к Достоевскому, кто-то к Данте, к Гомеру.

Меня сегодня, например, интересует то, что связано с моей судьбой. Новые материалы, воспоминания о Пастернаке, Ахматовой. Или книги о таких людях, как Вернадский, Вавилов.

— Это интерес к яркой личности?

— Впереди у меня осталось не так уж много времени. И хочется утвердиться в ощущении главного, в том, чем жил, что уважал, чем дорожил. Вновь публикуемые документы о жизни и смерти таких людей, превращенные тайны или слуха в знание поддерживают, утешают.

— «Тогда вздохнула более свободной и долгий страх превозмогла душа, измученная ночью безысходной?»

— Да. Но только я уже не могу сказать, как герой этой книги, этой «Божественной комедии»: «Земную жизнь пройдя до половины...». Этот рубеж позади. Теперь я вспоминаю гомеровские строки: «Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнующихся думах?»

Беседу вела
М. ШЕЙКИНА.

НИКИТА ХРУЩЕВ
Г. Москва
18 НОЯ 1988